

Годы, годы! Вы настали?

Новая книга Риммы Казаковой выдвинута на Госпремию

*К прошлому я не вернусь.
Мне не нужны его трели.
Не трепещу, не винюсь
И ничего не боюсь:*

Больше уже не подстрелит.

Этот авторский эпиграф к новой книге стихов Риммы Казаковой, выдвинутой на соискание Государственной премии в области литературы за 1998 год, перекликается с ее названием — "Ломка" (М., клуб "Реалисты", 1997), лаконизм которого таит в себе не одну метафору. Возможно, так озвучен диагноз времени, которое на глазах у нас перетекает в иное тысячелетие? Или может — штрихи к портрету общества, с его постоянными изломами? Или речь о жизни нашего современника, трудно выходящего из наркотического дурмана недавних российских десятилетий?..

"Переломилась эпоха", — откликается на эти вопросы автор, продолжая в новых стихах свой давний разговор с читателем. По-прежнему искренний и открытый, но сегодня — на уровне тех настоящих вопросов, которые задает время. И тревожно вопросительные знаки выплывают на страницах поэтического сборника:

Годы, годы!

Вы прошли?

Ну а может, вы настали?..

Переживания и живые чувства поэта становятся некоей "хронологией души" — мостиком и в прошлое, и в будущее. Но более всего тревожит настоящее:

У стены лежит старуха:

сердце ли, усталость?

Жить ей не хватало духа,

или голод, старость?

В переходах тянут дети:

"Есть хочу. Подайте!"

Что стряслось на белом свете?

Вопросы Риммы Казаковой требуют ответа от каждого из нас:

*Что нам делать, если что-то
делает с сердцем?*

*Что нам делать,
озверевшим миллионам?*

В маленьком пространстве строке — позиция, духовно близкая поэте, у которой есть право говорить от имени миллионов: это реальные масштабы ее читательской аудитории. Четыре десятилетия звучат стихи Риммы Казаковой, зараженные добротой и обаянием, узнаваемых сюжетов, образов, тем. В них — все от жизни: и спор со временем, у которого "не густо воскресений, зато в любой неделе — по семь пятниц", и истовая материнская боль, и совсем не женское прозрение:

Легко мы говорим,

что горе не беда,

а горе есть беда на

горе вправду бедным.

Впрочем, зачем пересказывать поэзию — эти стихи вошли в новую книгу, обладающую, на мой взгляд, ощущением единства поэтики автора, для которого подлинность слова, обеспеченная судьбой, — единственный способ существования в литературе.

Не секрет: все чаще читаешь

книги сверстников по поколению, где образ утрат становится действующим лицом: как говорится, "засквозили итоги"... У Риммы Казаковой — другое: забота о несвершенном, неотложность работы. Потому что "...есть еще — как счастье и как иго, покамест ненаписанная книга, пока что не нашедшая любовь".

Она не драматизирует жизнь и не умиляется ее подаркам, но умеет спорить, бескомпромиссно отстаивая свою позицию — языком и средствами поэзии, добываясь единения Слова с миром, жизнью, природой. Но не лицедействует на подмостках времени. Просто живет среди людей и вместе с ними — остро, болезненно, непримиримо откликаясь на несправедливость в любом ее проявлении. Будь то небурный грязный снег на улицах — как метафора заброшенности и распада. Или одичалая реальность, когда "поэт в России — меньше, чем поэт". Или те средневековые сумерки, что ворвались в нашу жизнь межнациональными разборками, горестными беженцами России, позором ксенофобии:

Уезжают русские евреи.

Покидают отчий небосвод.

И кому-то, видно, душу греет

Апокалиптический исход.

Римма Казакова — работник. В собственном доме, в обществе, в поэзии. Может быть, оттого в ее новой книге стихов нет и намек на усталость души, на смирение перед обстоятельствами. Даже когда она вступает в конфликт со временем:

О, эпоха, безнадежная эпоха...

Если выдюжим — по новой все сварганим!

Это, заметим, из раздела "Совсем новое".

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА